

⁹ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 681.

¹⁰ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. С. 267–271.

¹¹ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 675.

¹² См.: Модзалевский В. Л. Кочубей // Малороссийский родословник. Т. 2. Е-К. Киев, 1910. С. 544, 547.

¹³ Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Русская старина. 1896. Т. 88. № 10. С. 47–48.

¹⁴ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 572.

¹⁵ Там же. С. 584.

¹⁶ Там же. С. 597.

¹⁷ Там же. С. 315.

¹⁸ Державный архив Полтавской области. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 6. Л. 157.

¹⁹ См.: Петербургский некрополь. Т. 2. Д-Л. СПб., 1912. С. 501.

²⁰ Русский архив. 1903. Кн. 2. № 8 С. 557.

²¹ См.: Скорик В. П. Диканщина. Историко-краеведческий нарис. Полтава, 2006. С. 17–18.

²² Из писем К. Я. Булгакова к брату Александру Яковлевичу // Русский архив. 1903. Кн. 2. № 8. С. 552, 554, 555.

²³ Русский архив. 1903. Кн. 3. Вып. 9–12. С. 317.

²⁴ Подсчитано авт. по: Сборник РИО. Т. 74. С. 425.

²⁵ Русский архив. 1873. Кн. 1–2. В. 1–12. С. 2111.

²⁶ Русский архив. 1904. Кн. 1. № 1–4. С. 407, 410.

²⁷ См.: Северная пчела. 1834. № 92, 93; Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 7. С. 9.

²⁸ Северная пчела. 1834. 27 апреля.

²⁹ Русский архив. 1904. Кн. 1. № 1–4. С. 421.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 6 т. М., 1936. Т. 6. С. 446.

³¹ Русский архив. 1904. Кн. 1. № 1–4. С. 422.

³² Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1981. Т. 10. С. 135.

³³ Русский архив. 1904. Кн. 1. № 1–4. С. 422.

³⁴ Московские ведомости. 1834. 4 июля. № 53; Церковь Святого Духа (Духовская церковь) была закрыта в 1935 году. Останки известных исторических личностей (канцлера В. П. Кочубея, графини Н. К. Загряжской, жены М. И. Кутузова и др.) были перенесены в 1937 году в Лазаревскую церковь и преданы земле. На месте перезахоронения праха В. П. Кочубея установлена напольная плита в ограде, перенесенная из Духовской церкви. См.: Кобак А. В., Пируток Ю. М. Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 164, 166.

³⁵ См.: Русский инвалид. 1844. № 38.

³⁶ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 636.

Тюремный врач — Евгений Рудольфович Эйхгольц

Г. П. Игнатьева

«На мрачном фоне каторги светлым лучом выделялся врач Евгений Рудольфович Эйхгольц»¹, — так начал свои воспоминания о Шлиссельбургской крепости Иосиф Карлович Гамбург.

Евгений Рудольфович Эйхгольц родился 7 августа 1864 года в Санкт-Петербурге в обеспеченной купеческой семье. Родители Евгения Рудольфовича — отец Рудольф Готлиб Иванович Эйхгольц (швед по национальности, 1822–1888) и мать Тереза Александровна, урожденная Косова. Годы ее жизни неизвестны, но сохранилась дата венчания супругов Эйхгольц — 30 апреля 1853 года².

Р. И. Эйхгольц был купцом 1-й гильдии. Дела его шли успешно, он активно участвовал в благотворительных обществах и жертвовал значительные суммы. С 1875 года он

Евгений Рудольфович Эйхгольц.
1917 г.

был директором и казначеем Петербургского комитета Общества попечительства о тюрьмах, а в 1876–1880 годы — почетным блюстителем Царскосельской Марининской женской гимназии, пожертвовал в ее фонд 1200 рублей — сумма по тем временам значительная, равная стоимости обучения 15 учениц³.

Семья владела двумя поместьями с винокуренным заводом в Смоленской губернии, несколькими домами и антикварным магазином на Большой Морской улице в Петербурге. Рудольф Эйхгольц коллекционировал произведения искусства, его страстью были картины голландских живописцев и швейцарские часы. Занятие музыкой было увлечением всей семьи. Все дети играли на музыкальных инструментах: Елизавета и Мария — на фортепьяно, Евгений — на вио-

Вид Шлиссельбургской крепости с левого берега Невы

лончели, Александр – на скрипке, Валериан – на флейте. Часто они дома устраивали концерты камерной музыки.

Евгений Эйхгольц учился в одной из лучших гимназий Петербурга (Казанская ул., 27), в 1883 году поступил в Военно-медицинскую академию и окончил ее в 1889 году по специальности хирургия, внутренние и глазные болезни⁴. Согласно формулярному списку, в 1893–1894 годы он работал сверхштатным ординатором Мариинского родовспомогательного дома в Санкт-Петербурге. С 1895 по 1898 год был младшим врачом 38-й артиллерийской бригады, расположенной в г. Пружаны Гродненской губернии, в Белоруссии.

В 1896 году, выдержав установленные испытания, постановлением конференции Императорской Военно-медицинской академии был удостоен степени доктора медицины⁵.

В 1899–1906 годы он – вольнопрактикующий врач в г. Пружаны.

После переезда в свое имение Михайловское в Рославльском уезде Смоленской губернии он служил санитарным врачом уезда. Там он начал работать над докторской диссертацией. Темой диссертации было исследование антропологических данных белорусов Рославльского уезда. Как санитарный врач уезда, он был хорошо знаком с физическим состоянием своих пациентов, их образом жизни и привычками.

Знакомство с бытовыми условиями жизни населения позволяло выяснить характер и причину господствующих в крае заболеваний.

В Рославле доктор Эйхгольц был избран членом уездной земской управы⁶, которая решала многие вопросы повседневной жизни жителей уезда, крестьян, землевладельцев: строительство дорог, открытие школ, распространение сельскохозяйственных знаний, охрана и рациональное использование лесов. В 1907 году он с семьей переехал в Смоленск, где был вольнопрактикующим врачом, а с 1912 года работал врачом в Смоленской каторжной тюрьме. К деятельности тюремного врача Е. Р. Эйхгольц готовил себя заранее. Для того чтобы ознакомиться

Вид Шлиссельбургской крепости с правого берега Невы. 1908–1917 гг.

Крепостной двор: Иоанновский собор, четвертый тюремный корпус, первый тюремный корпус «Зверинец». 1917 г.

с современной организацией тюремной системы, он совершил обширную учебную поездку по странам Западной Европы. Его планы имели чисто гуманитарные цели, он хотел помочь попавшим в беду людям.

11 июля 1913 года он отправил петербургскому губернатору прошение о предоставлении ему должности врача Шлиссельбургской каторжной тюрьмы⁷.

27 августа 1913 года канцелярия, ведавшая в Министерстве юстиции управлением тюрем, известила смоленского губернатора о том, что согласно приказу, подписанному государем и датированному 20 августа 1913 года, врач Смоленской исправительной тюрьмы, доктор медицинских наук, надворный советник Эйхгольц назначен старшим врачом Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Главное тюремное управление объявило об этом и предложило господину Эйхгольцу немедленно отправиться к месту новой службы⁸. До приезда Эйхгольца в Шлиссельбургской крепости среди заключенных происходили волнения, направленные против тюремного руководства и жестокого тюремного врача.

Узник крепости Иван Петрович Вороницын в своих воспоминаниях рассказал о бойкоте политкаторжанами врача Неймана, который присутствовал при наказании розгами двоих заключенных. Участники бойкота считали, что врач не должен

был допустить экзекуцию и уж, во всяком случае, не смотреть на нее, как на представление. «Бойкот проводился довольно дружно, и не прошло двух месяцев, как у нас появился новый врач»⁹.

«Доктор Эйхгольц, врач по призванию, человек материально независимый, несомненно, идеалист, в большинстве из нас он оставил по себе самую добрую память. О том, что существует такой «второй Гааз», мы знали и раньше. О нем рассказывали узники, переведенные из Смоленского центра, какие об-

легчения он делает заключенным: и кандалы снимает, и пороть не дает, и из карцера берет в больницу, и пищу улучшает, и с начальством из-за арестантов воюет всегда»¹⁰.

У Е. Р. Эйхгольца была репутация гуманного врача, имеющего современные взгляды на взаимоотношения врача и пациента. Об этом он написал в своей книге: «Только относясь сознательно к своему труду по лечению заключенных, можно оправдать имя тюремного врача во всей его скромной красоте по образу, оставленному русским тюремным врачам, – московским Гаазом»¹¹.

Цель тюремного врача – помочь осужденному на заключение прожить до окончания срока, вывести его из тюрьмы здоровым и работоспособным. «Тюремный врач не судья, он не должен делать разницы при выборе средств лечения заключенного уголовного, политического, краткосрочного или вечника. Симпатии он должен оставить про себя, и горе ему, если он сойдет с этого пути»¹².

Работа доктора Эйхгольца была направлена на улучшение основ содержания заключенных во вверенной ему тюрьме. Это касалось, например, температуры и вентиляции в камерах. По его словам, выражение «необходимо, как воздух» нигде не имеет такого значения, как в тюрьме. В переполненных камерах, из которых заключенный

Четвертый тюремный корпус. 1917 г.

не может выйти по своему желанию, объем воздуха уменьшается до предела, несоответствующего требованиям гигиены.

В 1914 году, при содействии Эйхгольца, тюремное начальство разрешило наиболее слабым заключенным работать на огородах, в теплицах, в оранжерее, больше времени проводить на воздухе. Многие заключенные увлекались цветоводством, цветы отправляли в Петербург для продажи на благотворительных собраниях. «Засушенными цветами украшали почтовые открытки, многие делали это так искусно, что эти открытки пользовались большим спросом в Петербурге, было много желающих купить их»¹³. Несколько таких открыток хранится в фондах Государственного музея истории Петербурга.

Средства, вырученные от продажи цветов и открыток, использовались для улучшения питания заключенных.

Источенные от недоедания заключенные часто обращались за помощью к доктору, который назначал им больничный режим с усиленным питанием. Желудочные и кишечные заболевания в тюрьме благодаря ему резко уменьшились. «Но самым благотворным из его нововведений была неограниченная выдача всем желающим рыбьего жира. Сокра-

тив количество дорогих лекарств, он стал выписывать из Норвегии рыбий жир целыми бочками. Дежурные разносили его по камерам ведрами, и заключенные пили его, ели с хлебом, с кашей»¹⁴.

Режим Шлиссельбургской тюрьмы предусматривал содержание заключенных в кандалах. Доктор старался облегчить их положение и находил медицинские основания для сокращения кандалного срока и страданий узников.

В Шлиссельбургской тюрьме каторжан часто подвергали заключению в карцер на 30 суток за неповиновение начальству, за нарушение тюремного режима, за участие в коллективных протестах.

Историк царской тюрьмы М. Н. Гернет писал, что совершенно неправильно утвердилось в обиходе выражение «сидеть в карцере». «Там не сидели, так как не на чем было сидеть. Там мало и лежали – на узких досках было неудобно и больно лежать. Карцерное время проходило в ходьбе, особенно в холодное время года. Только ходьба, быстрые движения или бег на месте спасали узника от замерзания. Карцерный пронизывающий холод не давал возможности уснуть. Здоровье расшатывалось, туберкулез, нервные заболевания, ревматизм были следствиями наказания карцером. Нередко случалось, что надзиратели не выводили, а выносили из

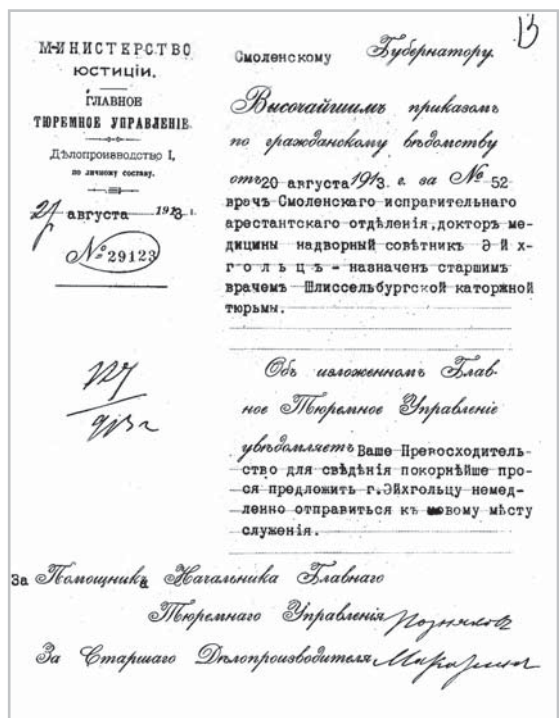
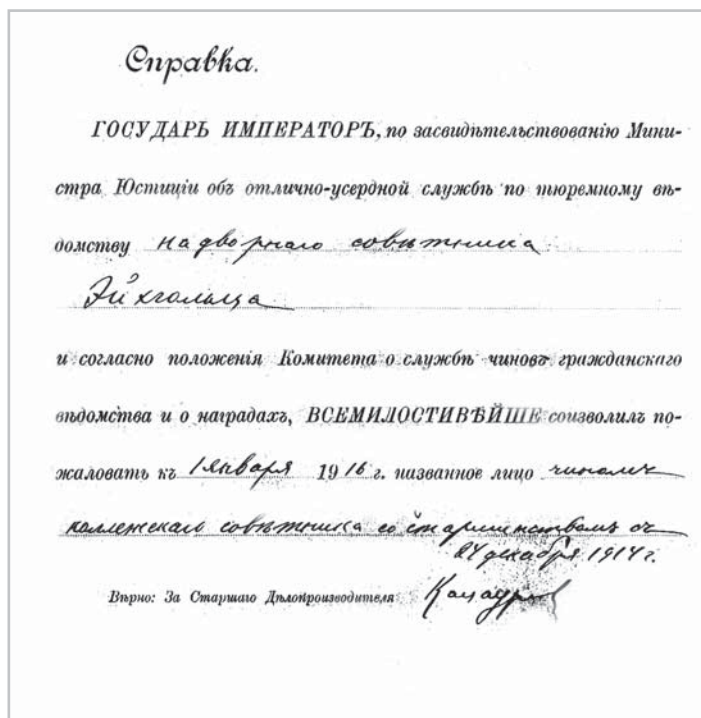
карцера арестанта, отбывшего свое наказание»¹⁵.

Многие шлиссельбургцы в своих мемуарах с благодарностью вспоминали тюремного врача Евгения Рудольфовича Эйхгольца.

Иосиф Карлович Гамбург писал, как доктор спас его от 30-суточного карцера. Через две недели после пребывания его в карцере доктор Эйхголец написал начальнику тюрьмы служебную записку о том, что у заключенного в карцере развилась пневмония и он нуждается в немедленном лечении и переводе в больницу. Хотя у Гамбурга не было воспаления легких, доктору удалось добиться освобождения узника из карцера.

Узник крепости Василий Федорович Гончаров особенно отмечал улучшение качества лечения: «В эпоху Эйхгольца функции больницы расширились. Было организовано лабораторное исследование больных с подозрением на туберкулез»¹⁶.

Федор Николаевич Петров, который провел в Шлиссельбурге семь лет, вспоминал о «докторе Эйхгольце, единственном гуманном враче» за все годы его пребывания там. За участие в протесте каторжан Петрова приговорили к телесному наказанию – ста ударам розгами. Доктор составил акт о тяжелом сердечном заболевании узника и категорически выступил против телесных

наказаний. Решительный протест доктора привел к тому, что наказание розгами было отменено¹⁷.

Доктор Эйхгольц занимался научной работой, его годовые отчеты и докладные записки переплетались в мастерской, и узники имели возможность их читать. Некоторые его работы были напечатаны в «Вестнике Главного тюремного управления». В этих статьях «он, со своей точки зрения врача-тюрьмоведа, с цифрами, фактами и диаграммами подвергал жесточайшей критике всю пенитенциарную систему русского правительства»¹⁸.

Доктор заботился не только о физическом здоровье заключенных, но и о духовном и нравственном их развитии.

В своей книге он рассказал о том, как проводил беседы на географические и естественно-исторические темы, касаясь зоологии, ботаники,

химии, физики, вплоть до основ космографии. «Заключенные разных национальностей, классов и стадий развития составляли великолепную аудиторию»¹⁹.

Он считал, что в каждой тюрьме, помимо церкви, должны быть библиотека и школа, занятия в которой могли бы проводить представители администрации и приглашенные лекторы-общественники. В Шлиссельбургской крепости политкаторжане разработали план самообразования. План включал историю, литературу, философию, математику, иностранные языки, сельское хозяйство и т. д. Лекторами и руководителями занятий были образованные узники: В. О. Лихтенштадт, В. Н. Малашкин, Б. П. Жадановский и другие. Заключенные называли свою учебу «тюремным», или «романовским», университетом.

В библиотеке Шлиссельбургской каторжной тюрьмы к 1917 году было около десяти тысяч томов.

В результате самоотверженной работы доктора Е. Р. Эйхгольца уменьшилась смертность в пересыльной Смоленской тюрьме с 4% до 2%, в Смоленской каторжной тюрьме – с 7% до 1,2%, в Шлиссельбургской каторжной тюрьме за один год – с 6,0% до 0,6%, то есть ровно в 10 раз²⁰.

Подводя итоги своей работы, Е. Г. Эйхгольц писал: «Труд врача в тюрьме не карьера, не профессия, а призвание. Ежели призвания нет, то не следует переходить порог тюрьмы и брать на себя бремя не по плечу»²¹.

После Февральской революции, в марте 1917 года Е. Р. Эйхгольц с семьей переехал на постоянное жительство в Финляндию.

¹ Гамбург И. К. За крепостными стенами. На каторжном острове. Дневники, письма и воспоминания политкаторжан «нового Шлиссельбурга» (1907–1917). Л., 1967. С. 163.

² Хайлликайнен Кюости. История Эйхгольца, тюремного врача / Пер. Л. А. Яковлевой. Хельсинки, 1993. С. 4. К. Хайлликайнен – родственник Е. Р. Эйхгольца, занимался историей семьи, посетил Петербург и Шлиссельбургскую крепость.

³ Исторический очерк Царскосельской Марининской женской гимназии за 1865–1890 гг. / Сост. С. Е. Алексеев. СПб., 1890. С. 3.

⁴ Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства внутренних дел. СПб., 1839–1916. С. 40–45.

⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1348. Л. 37–38.

⁶ Там же. Л. 38–39.

⁷ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7336. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Вороницын И. П. Из мрака каторги. Харьков, 1922. С. 69.

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ Эйхгольц Е. Р. Тюремный врач и его пациенты. Пг., 1916. С. 5.

¹² Там же. С. 23.

¹³ Муравин Г. М. Пять лет в Шлиссельбургском центральном. На каторжном острове. Л., 1967. С. 181–182.

¹⁴ Вороницын И. П. Из мрака каторги. Харьков, 1922. С. 133.

¹⁵ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1963. Т. 5. С. 45.

¹⁶ Градский В. (Лит. псевдоним В. Ф. Гончарова). Шлиссельбургская каторга // Былое. 1924. № 25. С. 192.

¹⁷ Петров Ф. Н. В Шлиссельбургской крепости. Сб. На каторжном острове. Л., 1967. С. 27.

¹⁸ Вороницын И. П. Указ. соч. С. 134.

¹⁹ Эйхгольц Е. Р. Указ. соч. С. 75.

²⁰ Там же. С. 60.

²¹ Там же. С. 133.

